

УДК 34

DOI 10.36511/2078-5356-2020-1-121-128

Журавлев Сергей Юрьевич
Sergey Yu. Zhuravlev

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), associate professor, professor of criminalistic chair
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: monah07@yandex.ru

Уголовно-процессуальные основы и криминалистическая сущность предмета доказывания по уголовным делам

Criminal procedural bases and criminalistical essence of the subject of evidence in criminal cases

В статье соотносится формальное и сущностное понимание модели предмета доказывания по уголовным делам. Аргументируются требования к модели доказательств, выделяются криминалистические акценты процесса доказывания, которые имеет смысл использовать в научно-методической и практической деятельности. Формулируются предложения по оптимизации методического содержания деятельности по расследованию преступлений.

Ключевые слова: предмет доказывания, процессуальные ориентиры предмета доказывания, криминалистическая модель предмета доказывания, оптимальный методический подход к формированию модели предмета доказывания по уголовным делам.

The article correlates the formal and essential understanding of the model of the subject of evidence in criminal cases. The requirements to the model of evidence are argued, the forensic accents of the process of evidence are highlighted, which makes sense to use in scientific, methodological and practical activities. Proposals are formulated to optimize the methodological content of crime investigation activities.

Keywords: the subject of evidence, the procedural guidelines of the subject of proof, the forensic model of the subject of proof, the optimal methodological approach to the formation of the model of the subject of proof in criminal cases.

Расследование преступлений как процесс юридического познания имеет своей главной целью ясное понимание лицами, осуществляющими расследование, того, что собой представляет познаваемое событие как фрагмент криминальной реальности [1, с. 314—315], кто задумал, а кто осуществил криминальную схему, чей интерес просматривается в последствиях расследуемого события, как соотносятся личностные, временные, территориальные, объектовые, предметные, следовые и иные элементы криминальной схемы. Ранее мы уже отмечали данное обстоятельство в контексте точного понимания роли криминалистики в юридической деятельности и практике расследования преступлений [2].

Сущность расследуемого события по мере продвижения в ходе юридического познания от первичных неопределенностей к ясному пониманию реальности расследуемого события раскрывается с различной степенью интенсивности. Именно поэтому важен такой режим мышления, как постоянное критическое осмысление результатов расследования, постоянный криминалистический анализ первичных данных, сформулированных версий и результатов их разработки. Полное и объективное установление всех деталей познаваемого события, всех факторов и причин, «включивших» работу различных подразделений органов внутренних дел и смежных правоохранительных ведомств, очень важно с позиции проектного видения результатов проводимой работы.

© Журавлев С.Ю., 2020

Результаты проведенных нами в последние годы исследований, мониторинг мнения практических работников позволяют сформулировать ряд принципиальных положений, которые имеют значение как для практики расследования преступлений, так и для образовательного процесса применительно к изучению криминалистики и связанных с ней дисциплин по формированию правильного понимания методического и тактического содержания работы по расследованию преступлений.

С методологической точки зрения сознание субъекта юридического познания должно опираться на три базовые программы мыслительных действий: а) мыслительные методические алгоритмы, связанные с содержанием познаваемой криминальной реальности; б) мыслительные алгоритмы, связанные с содержанием принимаемых методических и тактических решений и обусловленных ими составляемых процессуальных и оперативно-служебных документов; в) мыслительные алгоритмы, связанные с предпосылками и содержанием квалификационных выводов по установленным обстоятельствам познаваемого события.

Указанные выше составляющие методологической парадигмы юридического познания требуют четких научно-методических ориентиров и комплексного понимания тех подходов, которые обосновывают решения, принимаемые в рамках материалов предварительной проверки и уголовного дела. На данное обстоятельство в части комплексного понимания организационных процессов в содержании расследования обращают внимание ведущие российские криминалисты [3]. Критический взгляд на отдельные положения уголовно-процессуального законодательства высказывают и другие ученые [4]. При этом наиболее критичным является отсутствие четкой установки законодателя на понимание сторонами уголовного процесса объективной картины происшедших событий. Это, в свою очередь, не способствуют формированию установки мышления участников на объективное познание отображений криминальной реальности.

Достаточно провокационным является отсутствие в статье 74 УПК РФ в словосочетании «любые сведения» понятия «достоверные». Косвенно в сознание правоприменителя закладывается вероятность использования для аргументации своей позиции любых, в том числе и недостоверных сведений. При этом взятый за основу термин «сведения», обозначающий используемую доказательственную и ориентирую-

щую информацию по уголовному делу, в конце статьи превратился в понятие «иные документы». На наш взгляд, законодателю следовало вести речь о возможности использования «иных сведений» или «сведений в иной форме».

Применительно к статье 73 УПК РФ криминалистический взгляд вычленяет странности «обвинительного уклона» в тексте закона. Дело в том, что при производстве по уголовному делу, в зависимости от складывающихся обстоятельств расследования, речь должна идти не только о необходимости доказывания события преступления и виновности, но и, возможно, их отсутствия.

Следует признать объективную данность — расследование проводится не для доказывания вины, а для установления объективной картины происшедших событий, которым затем дается юридическая оценка. В этом контексте доказывание отсутствия события преступления такой же естественный процесс, как и доказывание его существования. Это следовало отразить в законе. Но вначале понимание указанных обстоятельств должно стать частью криминалистической культуры наших коллег-процессуалистов и законодателя.

Важным методологическим ориентиром, применительно к формулированию обстоятельств, подлежащих доказыванию, является понимание разницы между тем, что должно быть сформулировано в видовой или частной методике расследования, например, преступления экономической и коррупционной направленности, и применительно к доказыванию в процессе расследования конкретного преступления.

Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе расследования конкретного преступления, например, экономической и коррупционной направленности, формируется с учетом особенностей расследуемого факта экономико-криминальной реальности, видовой криминалистической характеристики, состава данного преступления или нескольких преступлений, применительно к которым зафиксирована доказательственная информация, процессуальной регламентации и криминалистической структуры предмета доказывания. Применительно к перечню зафиксированных доказательственных аргументов не имеют решающего значения особенности обнаружения признаков конкретного преступления на первоначальном этапе его расследования, специфика криминалистического анализа информации в процессе конкретного расследования, возможные трудности и ошибки, которые были допущены.

Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, в частной методике расследования преступления экономической и коррупционной направленности формируется с учетом понимания исследователем всей совокупности изложенных в криминалистической характеристике следов подготовки и совершения данной группы преступлений, их возможной квалификационной характеристики, сложившейся практики доказывания по данному виду преступлений, процессуальной регламентации и криминалистической структуры предмета доказывания. Применительно к конкретному перечню того, что должно быть зафиксировано, в частной методике расследования в разделе «Обстоятельства, подлежащие доказыванию», не имеют решающего значения положения других частных методик, различного рода аналитический материал следственных органов и оперативных подразделений по данной категории преступлений, особенности следовой картины, зафиксированной в криминалистической характеристике данной категории преступлений. Указанное выше как не относящееся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, излагается в разделах частной методики, связанных с анализом существующих методических материалов по данной тематике, со спецификой криминалистического анализа исследованной предметной криминальной реальности, с итоговыми выводами по содержанию следовой картины данного преступления как результата сформированной криминалистической характеристики данного вида преступления.

Как уже ранее отмечалось в работах нашей кафедры, по своей содержательной стороне криминальная деятельность любого вида имеет структурные составляющие, которые рассматриваются нами как статичные элементные составляющие формируемой криминалистической характеристики: а) субъекты криминальной деятельности и их связи; б) ситуационные особенности подготовки и реализации криминального замысла; в) перечень конкретных действий и бездействий, которые составляют процедурный блок криминальной схемы; г) конкретные следы как результат действий участников криминальной схемы. С позиции развития криминальной реальности деятельность по подготовке и реализации криминального замысла состоит из четырех основных фаз. При этом в рамках каждой фазы функционирует и находит свое выражение указанная элементная структура [5, с. 141—155].

С учетом понимания возможных фаз развития конкретной преступной деятельности,

структуры и содержания каждой фазы, содержательной стороны противодействия заинтересованных в сокрытии преступления лиц [6, с. 98—101], информационное содержание отдельного проявления криминальной реальности (преступления) или их взаимосвязанного комплекса необходимо переосмыслить применительно к элементам криминалистической характеристики, превратив их в универсальную криминалистическую модель предмета доказывания, которая может быть представлена следующим образом:

Субъект — субъект. Доказательственные аргументы, иллюстрирующие имеющиеся у субъекта реализовавшего криминальную схему, физические и психические качества, позволяющие говорить о нем как о достигшем установленного законом возраста привлечения к уголовной ответственности, не имеющем психических качеств, исключающих уголовную ответственность, наличие у субъекта профессиональных и криминальных качеств, позволяющих выстраивать отношения с себе подобными людьми, эффективно общаться в криминальной среде, доказывающие наличие между членами, например, организованной группы сложных коммуникативных связей, которые продуманы и реализованы определенными лицами. Если приходится доказывать состав определенной преступной группы, то в этом случае доказательственная аргументация может иметь некоторую специфику.

Например, если обвиняемые были хорошо знакомы, то наверняка тесно общались, были в постоянном контакте по телефону или с использованием современных коммуникативных технических средств. Длительность общения может быть признаком устойчивой связи, признаком детальности общения, доказательством устойчивости данной связи.

Достаточно показательным аргументом существования данной криминальной связки может быть не только длительность общения, но и встречная заинтересованность в причинении ущерба конкретному лицу (потерпевшему), в мести за прошлые обиды или финансовые несоответствия, в выгоде смерти потерпевшего, например, в силу возможности получения права на имущество умершего как наследника.

Косвенным, но все же существенным доказательственным аргументом группового преступления является аргументация возможной эффективности рассматриваемых криминальных действий именно в составе группы лиц, где каждый выполняет свое функциональное пред-

назначение, например, знание потерпевшего, знание его системы охраны и безопасности, знание устойчиво применяемых потерпевшим стереотипов по отпуску товара, знание условий экономических договоренностей и т. п.

Субъект — ситуация. Доказательственные аргументы, иллюстрирующие связь обвиняемого, фигурантов по уголовному делу с конкретным объектом, втянутым в криминальную схему. Субъект криминальной реальности может являться постоянным или временным элементом криминальной схемы, его участие, например, в схеме телефонного мошенничества может быть связано с периодами отбывания наказания в конкретной колонии, по территории которой «бьется» телефон мошенников.

Применительно к расследованию конкретного уголовного дела поиск доказательств данной группы может быть связан с обнаружением аргументов нахождения субъекта в конкретном месте, где происходила подготовка и реализация преступного замысла, существования в условиях конкретной привычной для него криминальной реальности. Применительно к доказыванию указанного выше факта телефонного мошенничества это может быть аргументация пересечения границы соседнего государства незадолго до начала в его территории активных телефонных инициатив по введению в заблуждение и обмана потерпевших. Например, применительно к доказыванию конкретной экономико-криминальной схемы хищения или преднамеренного банкротства, в рамках рассматриваемой доказательственной связки, необходимо будет установить и подтвердить, что:

— обвиняемый знал, учитывал и устранил условия, которые затрудняли действия по созданию неучтенных излишков, изъятию похищенного, увеличению неплатежеспособности и т. п.:

— обвиняемый знал и использовал условия, способствующие реализации неучтенных излишков, увеличению задолженности дебитора, сокращению срока выпуска неучтенных изделий и т. п.

Ситуация — субъект. Доказательственные аргументы, подтверждающие наличие условий, затруднявших подготовку и совершение хищения, предпринимательского, коррупционного преступления, которые устранил либо конкретный субъект криминальной реальности, либо связанное с ним лицо, которое было введено в заблуждение, подкуплено, запугано и т. п. Доказательственные аргументы, подтверждающие наличие условий, облегчавших подготовку и реализацию экономико-криминальной схемы,

которые использовались определенным лицом, связанными с ним лицами, а также теми, кто мог быть структурно организован указанными выше инициаторами преступной деятельности с применением простого и сложного посредничества в совершении, например, преступлений коррупционной направленности. При определенных обстоятельствах можно даже вести речь о возможности доказывания ситуационной предопределенности участия определенного субъекта предпринимательства и коррупционных взаимоотношений в совершении конкретного преступления.

Субъект — способ. Доказательственные аргументы, подтверждающие, что обвиняемый продумал и реализовал (в т. ч. в составе группы лиц) серию действий по созданию неучтенных излишков, сокрытию недостачи, завышению объемов выполненных работ, созданию пересортицы, материальному или интеллектуальному подлогу, необоснованному списанию, манипулированию технологическими параметрами и режимами, которые позволили ему получить необходимые выгоды и преимущества.

Применительно к доказыванию преступной деятельности организованной группы в контексте доказывания рассматриваемой группы обстоятельств необходимо подтвердить, что:

— обвиняемый... являлся руководителем организованной группы, контролировал действия и отдавал указания... при помощи... используя для этого...;

— обвиняемый как руководитель организованной группы... по своим криминальным, профессиональным и личным качествам является лидером, уже давно имеет криминальные устремления, настроен на криминальное поведение, устремлен к данному образу жизни, например, с юношеского возраста когда он впервые был осужден;

— обвиняемые... регулярно собирались в помещении, которое постоянно использует, является собственником или фактически контролирует руководитель группы... при обсуждении своих планов обвиняемый... как правило, играл основную роль, высказанное им мнение было определяющим в принятии решения другими членами организованной группы, проследить это можно в том числе за счет анализа содержательной стороны СМС-сообщений, связи с использованием различных телефонных приложений, по электронной почте.

Способ — субъект. Доказательственные аргументы, подтверждающие анализ, подготовку и реализацию экономико-криминальной схемы

или общеуголовного преступления конкретным лицом, участие, если таковое имело место, иных лиц, применение технических и орудийных средств преступления конкретными лицами во взаимосвязи совершаемых действий. Доказывая преступления, которые совершены организованной группой, необходимо установить:

— что конкретные лица действовали совместно по предварительной договоренности или на основании указаний определенного лица: являются знакомыми друг другу, продолжительно совместно работают, что существует криминальная иерархия и соподчиненность участников криминальной деятельности, выполняются обязанности по соподчиненности субъектов, по контролю определенных лиц, которые находятся в подчинении;

— что действия по исключению возможности контрольных проверок выразились в рекомендациях и поддержке выбора субъектом экономико-криминальной деятельности льготного налогового режима, были рекомендованы конкретным должностным лицом контролирующего органа, что подтверждается показаниями его подчиненных, которые были не согласны с подобным решением;

— что действия в интересах собственника коммерческой организации, ее учредителя были осуществлены руководителем более крупной коммерческой организации, ее финансовым директором, и за это он получил от собственника некоторый денежный эквивалент, преимущества в покупке, прощение долга и т. п.;

Ситуация — способ. Доказательственные аргументы, подтверждающие факты учета, выбора, подготовки и использования субъектом криминальной деятельности некоторого места, временных рамок, а также облегчающих совершение преступления условий.

Способ — ситуация. Доказательственные аргументы, подтверждающие приискание членами преступной группы значимой для совершения преступления информации, свидетельства подготовки и реализации криминального замысла в определенных временных, территориальных и инфраструктурных рамках. Например, это может быть доказывание факта временного несоответствия между фактической (в течение нескольких дней) и документальной (в течение двух лет) передачей активов банкрота своему вновь созданному контрагенту, который фактически забирает ликвидную дорожную технику без закрепления встречных обязательств или по явно заниженной стоимости. В другой ситуации это, например, может выражаться в том,

что ликвидное имущество, погрузочно-разгрузочные механизмы, строительное оборудование, большегрузный автотранспорт после фактического отчуждения, например, путем необоснованного списания по акту о якобы имевшем место пожаре в лесу или на строительной площадке, размещается на охраняемой территории, которая фактически принадлежала обвиняемому или его сообщникам.

Субъект — следы. Доказательственные аргументы, подтверждающие отображение отличительных индивидуальных признаков одного или нескольких обвиняемых в установленных следах. В данном случае подразумевается необходимость доказывания связи субъектов криминальной реальности через признаки внешности и внешнего оформления, признаки их причастности к процессу оборота похищенного товара, денежных средств, соотнесение их индивидуальных признаков, обнаруженных на одном объекте или в одном месте, о доказывании связи через подтверждение совместного участия в групповом мероприятии, о доказывании заинтересованности конкретных субъектов в определенном криминальном результате, что нашло свое выражение в определенных документах, информационных ресурсах, в экономических процессах, на материальных объектах, в интеллектуальной сфере людей, на электронных носителях.

Следы — субъект. Доказательственные, чаще всего экспертные аргументы, подтверждающие связь материальных и идеальных следов, комплексных следов-процессов и следов-состояний, данных информационных ресурсов с конкретным субъектом криминальной реальности и связанными с ним лицами.

Ситуация — следы. Доказательственные аргументы, подтверждающие связь временных, территориальных, инфраструктурных и факторных условий протекания событий криминальной реальности с выявленными и исследованными отображениями криминальной реальности. Подразумевается доказательственная аргументация по результатам обнаружения конкретного перечня следов, источников информации, которые зафиксированы и расшифрованы субъектом расследования. Применительно к данному блоку необходимо доказать, что:

— в конкретных документах нашли свое запечатление временные рамки эпизодов криминальной реальности;

— средства электронного контроля объекта зафиксировали, что обвиняемые в определенное время были на стационарном объекте;

— что содержание общественных процессов, информационных ресурсов, документов, материальных объектов, интеллектуальной сферы людей подтверждает создание обвиняемым и его связями условий для реализации преступного замысла.

Следы — ситуация. Доказательственные аргументы, подтверждающие что обнаруженные, зафиксированные и исследованные следы-отображения криминальной реальности непосредственно связаны и имеют отношение к определенному месту, времени, условиям, в которых происходила реализация преступного замысла конкретными лицами.

Способ — следы. Доказательственные аргументы, подтверждающие существование связи действий выполненных субъектом криминальной реальности с установленными и проанализированными следами. Например, в конкретной ситуации доказывания необходимо будет аргументировать, что:

— договоренности лиц о совершении некоторых действий и следы самих действий отобразились в определенных источниках информации;

— встреча между субъектами коррупционных взаимоотношений фактически произошла и это зафиксировано в материалах оперативного эксперимента и документах по их легализации и закреплению в виде доказательств;

— вывоз похищенного с объекта, непроизведение оплаты за отгруженный товар, беспрецедентное занижение стоимости объектов недвижимости, невыполнение обязательств по обустройству социальной инфраструктуры микрорайона и тому подобное отражено в имеющихся документах, зафиксировано на материальных носителях информации, отображено на предметах или подтверждается их отсутствием, сохранено в сознании людей.

Следы — способ. Аргументы, которые подтверждают связь выявленных следов, обнаруженных источников информации, исследованных доказательств с замыслом и действиями обвиняемого по подготовке и совершению преступления, например, экономической направленности.

В практике и по результатам научных исследований выделяются следующие наиболее существенные основания, по которым можно судить о наступлении предела необходимости у субъекта юридического познания (ученого или практического работника) устремляться к добычанию новой доказательственной информации.

Первое, на что следует обратить внимание, это отсутствие новой информации в поступа-

ющих данных, а следовательно, и отсутствие новых доказательств по расследуемому уголовному делу. Вторым критерий связан с тем, что фактически вновь поступающая информация ничего не проясняет в понимании криминальной реальности и конкретной криминальной ситуации, имеет место повторение аргументов доказывания, например, по сумме причиненного ущерба, наличию корыстного интереса обвиняемого, попытках скрыть следы совершенного хищения, криминального предпринимательства, неправомерных действий при банкротстве и т. п. Третий критерий наступления предела доказывания обращает внимание субъекта юридического познания на то, что сведения, которые поступают в ходе расследования конкретных эпизодов криминальной реальности, не противоречат уже имеющимся данным. Но самое главное в том, что они не являются уже основой для выдвижения и разработки новых версий. Иными словами, нет внутренних оснований для продолжения внешней деятельности. В этой связи вспоминается фрагмент диалога следователя и старого юриста, осведомленного о некоторых обстоятельствах по расследуемому уголовному делу: «...Старик не случайно брякнул о душе... Некоторые слова старого юриста запали глубоко. “Вы работаете не думая”. Что он хотел этим сказать?» [7, с. 366].

На современном этапе развития криминалистического знания можно с уверенностью утверждать, что имеются обоснованные интеллектуальные предпосылки для объяснения содержания особой мыслительной технологии субъекта расследования. При этом в понимании, что познающим субъектом может быть не только следователь или оперуполномоченный, но и частный детектив, сотрудники жилищной инспекции, инспекции по трудовым спорам, специалисты отдела социальной защиты населения и даже родитель, пытающийся понять, кто же из детей причинил ущерб недавно приобретенной им мебели. При этом только последний из перечисленных субъектов познания не будет переходить в формат квалификационных рассуждений о соответствии характера совершенных действий существующим юридическим нормам.

Применительно к вопросу о формировании системы доказательств, как уже было связано выше, следует разделять эмпирический уровень формирования доказательств в рамках конкретного расследования и научно-методический уровень построения модели предмета доказывания в рамках формируемой частной

методики расследования. При этом в основе лежат базовые элементы данной интеллектуальной деятельности:

а) удержание в памяти содержания изучаемой криминальной реальности: отдельного расследуемого факта или совокупности таких фактов по материалам многочисленных расследований;

б) понимание того, о какой доказательственной «связке» должна идти речь применительно к конкретным формулировкам обвинительных аргументов (субъект — ситуация, способ — следы и т. п.);

в) учет вероятной неполноты разработки конкретных детальных версий и необходимости продолжать эту работу для формулировки более правильных рабочих вопросов и оптимизации ранее сформулированных задач доказывания;

г) необходимость понимания того, как частная формулировка конкретного обстоятельства, подлежащего доказыванию, согласуется с положениями статьи 73 УПК РФ и диспозицией статьи Уголовного кодекса РФ, а также исключение возможности смешения уровней формулировки самих обстоятельств и подкрепляющей их аргументации;

д) контроль содержания лексических оборотов, которые используются в тексте формируемой частной методики или в материалах подготовки постановления о предъявлении обвинения или в обвинительного заключения.

Научно-методическое значение предлагаемого подхода состоит в удержании практика в определенных классификационных и познавательных рамках, когда речь идет о процессе расследования конкретного проявления криминальной реальности. Указанные рамки также важны для ученого-криминалиста, проводящего исследование по тематике, связанной с подготовкой методических рекомендаций по расследованию преступлений. Использование предлагаемого подхода позволит в научном и практическом плане проводить данную работу с большей эффективностью.

Примечания

1. Журавлев С.Ю. Развитие криминалистической культуры правоприменения как фактор совершенствования деятельности по расследованию преступлений // Белгородские криминалистические чтения: сборник научных трудов. Вып. 5. Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2019.

2. Журавлев С.Ю., Крепышева С.К. Криминалистическая методика и тактика: контекст современно-

го понимания роли криминалистики в юридической деятельности и юридическом образовании // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Н.П. Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / ред.-сост. М.А. Лушечкина. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 49—53.

3. Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Российский следователь. 2016. № 1. С. 7—11.

4. Белкин А.Р. Несовершенство процессуальной регламентации отдельных следственных действий и попытки оптимизации комплекса методических и тактических средств расследования преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2016. № 4 (36). С. 57—63.

5. Журавлев С.Ю. Комплексная характеристика методических и тактических средств расследования преступлений в сфере экономики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2016. № 2 (34).

6. Каминский А.М. Методологические основания криминалистического исследования противодействия расследованию как элемента организованности преступной деятельности // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2016. Т. 26. Вып. 1.

7. Ланской М.З. Глухое дело // Ланской М.З. С двух берегов. Л.: Советский писатель, 1973. 624 с.

References

1. Zhuravlev S.Yu. The development of the criminalistic culture of law enforcement as a factor in improving the activity of investigating crimes. *Belgorod forensic readings: collection of scientific papers. Issue 5*. Belgorod: Bel Yul of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, 2019. (In Russ.)

2. Zhuravlev S.Yu., Krepysheva S.K. Forensic methods and tactics: the context of a modern understanding of the role of forensics in legal activity and legal education. *Modern forensics: problems, trends, prospects: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 90th birthday of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the RSFSR, doctors of law, professor N.P. Yablokova. Moscow, December 22, 2015 / ed. M.A. Lushechkina*. Moscow: MAKS Press Publ., 2015, pp. 49—53. (In Russ.)

3. Volynsky A.F. Organization of disclosure and investigation of crimes: problems and solutions. *Russian investigator*, 2016, no. 1. (In Russ.)

4. Belkin A.R. The imperfection of the procedural regulation of individual investigative actions and attempts to optimize the complex of methodological and tactical

means of investigating crimes. *Law and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 4 (36). (In Russ.)

5. Zhuravlev S.Yu. A comprehensive description of the methodological and tactical means of investigating crimes in the economic sphere. *Law and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 2 (34). (In Russ.)

6. Kaminsky A.M. The methodological basis of the forensic investigation of countering the investigation as an element of the organization of criminal activity. *Bulletin of the Udmurt University. Ser. Economics and law*, 2016, vol. 26, issue 1. (In Russ.)

7. Lanskoj M.Z. Deaf business. *Lanskoj M.Z. From two banks*. Leningrad: Publishing House "Soviet Writer", 1973. 624 p. (In Russ.)